

Три часа с Кальманом

— Мы посмотрели уже четыре спектакля, — делится супружеская пара из Ашмо-Аты, — очарованы пением Ольги Волковой и Владимира Барляева. На наш взгляд, у них замечательное чувство стиля, отличный голос и внешние данные. Мы восхищены их пением. Предполагаем до конца гастролей посмотреть все спектакли с их участием.

Гости из Чимкента и Караганды: «Ничуть не жалею о времени, проведенном в театре. Получила огромное удовольствие от игры всех участников спектакля «Сильва», но особенно понравились Волкова и Барляев — великолепные актеры. Хорошо звучит оркестр».

Теперь уже нет сомнения, что гастроль Магаданского театра оперетты стала заметным событием в культурной жизни Ашмо-Аты и доставляет немалое удовольствие любителям этого музыкального жанра.

Все спектакли труппы идут с неизменным успехом. На них совершается знакомое, но вечно прекрасное таинство: с первыми же звуками неуязвимых мелодий Кальмана и Штрауса публичка преображается. Люди выходят из театра просветленными, улыбающимися.

Наш корреспондент взяла интервью у солистов театра Ольги Волковой, Владимира Барляева и главного режиссера труппы — Сергея Куранова. Первый вопрос режиссеру:

Гастроль

— Сергей Николаевич, зритель привык, что оперетта — это Кальман, Легар, Штраус. Довольствуетесь ли вы их вещами? Пишутся ли современные оперетты?

— Да, конечно, сегодня оперетта держится на классическом репертуаре. Новых вещей нет или почти нет. К сожалению, оперетта превратилась в «музейный жанр». Но зритель снова и снова идет на «Летучую мышь», «Баядеру», «Сильву». В этих вещах привлекает гармоничное сочетание сверхающей музыки, занимательной интриги, красочности нарядов, декораций.

В нашем репертуаре есть оперетта К. Миллера «Индийский студент», и, хотя речь в ней идет совсем не о нищете, зритель порой отпугивает название. Рассуждают примерно так: у меня в жизни хорошего мало, сам едва свожу концы с концами, да еще на сцене про то же... И он по-своему прав. Чье тут удовольствие, сказать трудно.

— Видите ли вы в повальном увлечении молодежи поп-рок и другой ультрасовременной музыки негативное или это, на ваш взгляд, нормальное явление?

— У нас привыкли сверху определять, какая музыка хороша для народа, а какая плоха. Каждый сам разберется, что ему нужно. Как правило, настоящая, хорошая музыка живет долго, а все сиюминутное, навязное уходит в небытие.

— Сергей Николаевич, со сцены все так красиво: и сами актеры, и их наряды, декорации... Впечатление, что проблем никаких...

— Что касается проблем, то их немало. Материальная база театра далека от желаемого. Основной фонд всего тридцать тысяч рублей, а при сегодняшних ценах и повальном дефиците буквально на все суммы эта сметоворна. Согласитесь, это королева или герцогиня в спектакле, одетая в серенький ситец вместо платья из шелка или во фланель — вместо бархата, выглядит нелепо. И как бы талантливо актер ни играл, зритель до конца не поверит в созданный им образ.

Но наши проблемы не должны быть видны зрителю. И это нам еще удастся... И вообще, я считаю, что артист должен быть окружен некоторой тайной, романтической аурой... Только тогда он интересен зри-

телю. А когда слышу, как на телевидении актер Иванов жалуется, что у него нет носков и прокисли огурцы в банке, он надолго снизит у зрителя впечатление от своей игры.

Вопрос Владимиру Барляеву:

— Владимир, я знаю, что в Магаданском театре вы работаете уже десять лет. До этого окончили Московскую консерваторию, затем работа в Ленинградском театре музыкальной комедии. Дела шли неплохо. Наряду с работой в театре сотрудничали с телевидением. В телевизионном фильме «Летучая мышь», по одноименной оперетте И. Кальмана, одну из главных ролей сыграл Ю. Соломин, а спели ее вы. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. Почему возникло решение перейти в Магаданский театр?

— Вообще-то в консерватории меня готовили на оперного певца. Еще студентом увлекся камерным искусством, участвовал в конкурсе имени Глики и даже был дипломантом. Но судьба распорядилась иначе, наверное, на мое решение повлияло искусство больших мастеров оперетты — Колжера, Рыжова, Воробьева. В их постановке «Свадьба Кречинского» потрясла меня.

В какой-то момент работы в Ленинградском театре я попробовал объективно оценить свое будущее в нем, чего смогу достичь и каков мой «потолок». Оказалось, что мои перспективы тогда выглядели не блестяще... И я согласился на работу в Магадане.

Ленинградскому театру я очень признателен за хорошую школу: сейчас я исполняю почти все ведущие партии как классического, так и современного репертуара.

А с ролью на телевидении получилось очень смешно. Ю. Соломин жаловался мне, что многие музыкальные театры страны приглашали его на работу в качестве певца.

— Моя актерская судьба, — говорит Ольга Волкова, — только начинается складываться. Сколько себя помню — пою. Мне не удалось вначале поступить в музыкальное училище, училась в педагогическом, где была возможность заниматься вокалом. Через два года перевелась в музыкальное училище, закончила его с отличной. Затем — Ленинградская консерватория. Была по-насто-

ящему счастлива, учась в классе профессора Т. Д. Новиченко. Мне прочили будущее оперной певицы. Но вышла замуж за Сергея Куранова на последнем курсе. Он режиссер. Работали вместе с ним в Красноярске, потом в Якутске и вот теперь в Магадане. «Освоили», можно сказать, весь северный край.

Иногда думаю, что если бы я не уехала из Ленинграда, были бы в моей жизни конкурсы, возможно, успех. Но тогда, скорее всего, не было бы Сергея, сына и всего того, что называется семейным счастьем. Очень люблю своих мужчин, люблю заботиться о них.

— Каким, на ваш взгляд, должен быть сегодня музыкальный театр? Бытует мнение, что оперетта зачахла, что ее подавили различные музыкальные шоу.

Владимир: — Я считаю, что оперетта должна быть многоплановой, синтетической, органично сочетать высокую драматургию.

Ольга: — Согласна. Оперетта в переводе с итальянского означает маленькая опера. Вспомним: пик популярности мюзикла в Америке, музыкальных сказок в театре и кино приходился на период «великой депрессии». Тогда американскому народу, как и нам сейчас, музыкальная феерия и сказки казались нужнее горькой и безнадёжной правды. И если кто-то готов подарить людям музыкальную феерию, как бы она ни называлась, — ради Бога, пожалуйста.

— Какие качества цените в людях и какие не вымывают у вас уважения как в повседневном общении, так и в творческой жизни?

Ольга: — Люблю людей честных, открытых и простых.

Владимир: — Среди товарищей по искусству уважаю людей надежных, не способных подвести в любых ситуациях.

— Были ли у вас на сцене моменты, за которые потом было неловко, смешные или курьезные случаи?

Владимир: — Конечно, бывали. Особенно курьезные. Еще в начале моей карьеры пел небольшую, эпизодическую роль. Мой выход — в первом и последнем актах. Сам не знаю почему, после первого акта снял грим, переоделся и вдруг слышу: «Барляев, ваш выход». Только я успел кое-как натянуть костюм, без парика, усов и прочего выскочил на сцену как дурень. От смеха корчился все, что был на сцене. Ну а мне что оставалось — довести роль до конца.

— Что в вашем понимании счастье? Идет ли ощущение счастья от профессии?

Владимир: — Думаю, что далеко не каждому человеку удастся угадать свое место в жизни. Мне повезло. Я нашел свое призвание, а это, поверьте, многое, если не все в жизни. И потому, не боясь дурного глаза, могу сказать: я счастлив!

Ольга: — Хорошая семья, любимая работа — что еще нужно для счастья, особенно женщине!

Да, счастливый человек смотрится и в жизни, и на сцене.

О. КРЕЙМЕР.